

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ГОДЪ.

(1 мая 1902 — 1 мая 1903 г.)

Революционный годъ, закончившійся иныишнимъ майскимъ праздникомъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе богатыхъ такими событіями, которыя не проходятъ безслѣдно для рабочаго движенія.

Цѣлый рядъ грандіозныхъ конфликтовъ между трудомъ и капиталомъ развернулся въ теченіи итекшаго года. Пикомъ еще за одинъ годъ не происходило столько такъ называемыхъ „генеральныхъ“ стачекъ — стачекъ, устраиваемыхъ пролетаріями цѣлой отрасли производства во всей странѣ или всѣхъ отраслей — въ одномъ районѣ.

Майскій праздникъ прошлаго года справлялся пролетаріатомъ подъ впечатлѣніемъ крупной неудачи, только что понесенной бельгійскими рабочими во всеобщей стачкѣ апрѣля 1902 г., представлявшей одно изъ грандіознѣйшихъ выступленій международнаго пролетаріата. Не успѣли замолкнуть толки о бельгійской всеобщей стачкѣ, какъ въ Швеціи началось такое-же движеніе и съ той-же цѣлью, на этотъ разъ увѣнчавшееся частичнымъ успѣхомъ. Съ этого момента болѣе или менѣе „всеобщія“ стачки смѣняютъ одна другую въ разныхъ концахъ цивилизованнаго міра.

Всеобщая стачка марсельскихъ рабочихъ, громадная стачка углекоповъ въ Соединенныхъ Штатахъ и во Франціи, стачка сѣльско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Галліи, всеобщая стачка въ Женевѣ, ноябрьская стачка въ Ростовѣ на Дону и его районѣ, январская стачка въ Голландіи, мартовская — тамъ-же и, наконецъ, генеральная стачка въ Римѣ — таковы итоги революціонныхъ выступленій международнаго пролетаріата за послѣдній годъ, поскольку мы не выходимъ изъ сферы непосредственной экономической борьбы. А совѣтъ на дѣлахъ въ далекой Австраліи имѣла мѣсто всеобщая стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ.

„Всеобщая стачка“ представляетъ довольно элементарное средство классовой борьбы пролетаріата и отнюдь не можетъ считаться тѣмъ единоснающимъ средствомъ, каковыя его провозглашаютъ анархисты и не освободившіеся отъ нѣхъ вліянія социаллисты въ разныхъ странахъ. Концентрируя всю босую энергію революціоннаго пролетаріата въ той именно сферѣ, гдѣ буржуазія неизмѣримо сильнѣе его, противопоставляя колоссальной матеріальной силѣ капитала лассинный отказъ отъ работы, предполагая для своего успѣха такую степень организованности, которая недостаточна при капитализмѣ, — такъ называемая, всеобщая стачка представляется методомъ борьбы, въ большинствѣ случаевъ, заранѣе обреченнымъ на неудачу, такимъ методомъ, который, развивая громадную энергію массоваго движенія, расстриваетъ большую ея часть крайне непроизводительно.

Но если какъ средство борьбы за непосредственное освобожденіе пролетаріата или за увеличеніе его правъ въ современномъ обществѣ, всеобщая стачка является средствомъ исполнимымъ, одностороннимъ и не экономичнымъ, то велико ея значеніе симптоматическое, т. е. ея значеніе, какъ показателя нарастающей, концентрирующейся и неудержимо проявляющейся революціонной энергіи класса, идущаго къ своему окончательному освобожденію. А то, такъ сказать, ураженіе чувства классовой солидарности и революціоннаго самоотверженія, которое для широкой массы рабочихъ связано съ всеобщей стачкой, является хорошей школой дальнѣйшаго социалистическаго развитія этой массы.

Да, всеобщая стачка есть элементарное средство борьбы рабочаго класса, оказывающееся недостаточнымъ почти каждый разъ, когда ставкой въ данномъ актѣ борьбы является нѣчто хотя бы немого болѣе, чѣмъ интересы капитала одной какой-либо группы буржуа. Какъ только ставка превышаетъ этотъ невысокій уровень, передъ объединеннымъ всеобщей стачкой пролетаріатомъ встаетъ „богъ-капиталъ“ во всемъ своемъ величіи, во всей своей бездушной, безчеловѣчной и безпринципной силѣ, буржуазное общество въ его цѣломъ, одушевленное однимъ интересомъ — интересомъ чистогана, преслѣдующее одну только цѣль самосохраненія и предвѣщающее къ пролетаріату одно требованіе — требованіе покорности. И вотъ почему тѣ грандіозные конфликты труда съ капиталомъ, которые именуются всеобщими стачками, вѣрнѣе всего имѣютъ громадное значеніе, разоблачая истинный характеръ буржуазнаго общества.

Это разоблаченіе становится тѣмъ поучительнѣе, и тѣмъ плодотворнѣе оно дѣйствуетъ на классовое самосознаніе пролетаріата, чѣмъ болѣе рѣзко контрастируетъ разоблачаемые факты тѣмъ идеямъ, которыя въ предшествующій періодъ съ особенной силой работали надъ атмисферой пролетарскаго сознанія. Истѣмъ нѣвѣстно, что именно послѣдніе годы отличались по истинѣ необузданнымъ распространеніемъ идеи о такъ называемомъ „соціальному мирѣ“ между имущими и неимущими, который якобы подготавливается совершающимися якобы „притупленіемъ противорѣчій“, характеризующихъ капиталистическое общество. Опираясь съ немногочисленными фактами, характерными не для всего капиталистическаго развитія, а только для тѣхъ его м менговъ, когда вромышенность находится въ періодѣ процвѣтанія, новѣйшіе апостолы „соціального міра“ похоронили марксизмъ „догму“ о постоянномъ развитіи социальнаго противорѣчія и о непримиримости классовыхъ интересовъ въ современномъ обществѣ, объявили социальное освобожденіе пролетаріата возможнымъ безъ потрясенія самыхъ основъ буржуазнаго строя, провозгласили, что при демократическомъ режимѣ формы пролетарской борьбы могутъ „смягчаться“ въ виду якобы распространяющагося при такомъ строѣ среди всей „націи“ признанія за рабочимъ движеніемъ права на существованіе. Съ наступленіемъ промышленнаго кризиса всѣ картонные домики, построенные проповѣдниками „соціального міра“ и ихъ легковѣрными

послѣдователями изъ числа социалистическихъ оппортунистовъ, мгновенно развалились, и капиталистическій строй вновь представалъ во всемъ своемъ великолѣпіи. О томъ, какъ демократическія страны идутъ на встрѣчу „соціальному миру“ — повѣдали пролетаріату солдаты ружья, выставленные врознь стачечниковъ демократической государственной власти Франціи и Швейцаріи, Голландіи и Бельгіи. Исключительные законы въ Голландіи и подкалывавшіе грубыми классовыми интересами драконовскіе судебные приговоры въ Бельгіи и Женевѣ показали еще разъ, какое реальное значеніе имѣетъ для классового движенія пролетаріата демократизація государственной власти. При рукоплесканіяхъ болѣе части буржуазіи голландскіе государственные дѣятели провозгласили и провели въ жизнь принципъ, согласно которому право стачекъ касается тамъ, гдѣ затрагиваются существенные интересы буржуазіи въ ея цѣломъ, и этотъ принципъ былъ тотчасъ-же перенесенъ на германскую почву въ рѣчи прусскаго министра; въ Англіи — этой прославленной всѣми социаль-реформаторами и оппортунистами странѣ „соціального міра“ по преимуществу — въ Англіи простыми судебными рѣшеніями у тредюнионовъ отнимается право пропаганды стачки и на нихъ-же возлагается отвѣтственность за убытки, причиненные капиталистическими стачками... Болѣе того: на „дѣвственной“ почвѣ Австраліи демократіи всеобщая стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ побуждаетъ правительство внести въ парламентъ проектъ по истинѣ „каторжнаго“ закона противъ стачекъ. Оказывается, что пока современный социальный строй — несмотря на политическій прогрессъ — обеспечиваетъ классовую диктатуру буржуазіи, до тѣхъ поръ всѣ отвоєванные пролетаріатомъ у буржуазіи политическія позиціи, всѣ свободы и права каждую минуту могутъ быть отвоєваны обратно: что только революціонная организція и революціонный отпоръ пролетаріата являются гарантіями сохраненія этихъ правъ. Пролетаріатъ видитъ, что въ современномъ капиталистическомъ обществѣ право „экономической борьбы“ признается за нимъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не посягаетъ на это правомъ для нанесенія буржуазіи сильныхъ ударовъ. И вотъ почему демократическая свобода, далекая отъ того, чтобы смягчать классовые конфликты, напротивъ, доводитъ ихъ до наиболѣе остраго выраженія, по скольку съ бющей въ глаза яркостью констатируетъ неизмѣнность пролетарскаго безправія передъ классовой диктатурой буржуазіи. И вотъ почему „соціальный миръ“ есть предіа и пустая фраза, а грозной дѣйствительностью является „война на жизни и смерти“.

Право на стачку является основнымъ условіемъ сколько нибудь успѣшной экономической борьбы пролетаріата. Таковы-же основнымъ условіемъ для борьбы политической является избирательное право. Много слышали мы въ послѣдніе годы (особенно во Франціи) слуховъ о томъ, что при всеобщемъ избирательномъ правѣ для пролетаріата пропадаетъ необходимость готовиться къ завоеванію классовой диктатуры, что при всеобщемъ избирательномъ правѣ за пролетаріатомъ обезпечена возможность достаточнаго и все растущаго вліянія на государственную машину. Истину цѣну этимъ сказкамъ мы могли опредѣлить въ прошломъ году, когда германскій пролетаріатъ воспользовался своимъ избирательнымъ правомъ для того, чтобы дать рѣшительное сраженіе аграрной реакціи, предпринявшей оупстоинительныя набѣги на карманы всей бѣдной части населенія. Стоило только всеобщему избирательному праву оказаться дѣйствительно серьезнымъ оружіемъ въ рукахъ пролетаріата, защищающаго интересы культуры и всѣхъ трудящихся, — чтобы въ Германіи былъ поставленъ на очередь вопросъ объ упраздненіи этого права, объ отнятіи политическихъ правъ у неимущихъ, о водвореніи пролетаріата за предѣлы буржуазной „легальности“. Германскій пролетаріатъ долженъ былъ убѣдиться, что охраной его политическихъ правъ въ современномъ строѣ является только его готовность дать революціонный отпоръ всякой реакціонной попыткѣ, а эта готовность къ успѣшной оборонительной войнѣ прямо пропорціональна его готовности къ войнѣ наступательной, къ борьбѣ за государственную власть, къ борьбѣ за едіальную революцію. Буржуазное общество до тѣхъ поръ только допускаетъ участіе пролетаріата въ своей государственной власти, пока это участіе не затрагиваетъ основныхъ интересовъ руководящихъ въ современномъ обществѣ политическихъ силъ. За этими предѣлами никакая „легальность“ не можетъ удержать представителей буржуазнаго общества отъ перенесенія борьбы на „губо-матеріалистическую“ почву, гдѣ рѣшается сила.

Периветіи борьбы германскаго пролетаріата противъ та-моженного законопроста показали также, какъ химеричны въ свободныхъ странахъ надежды на измѣненіе взаимныхъ отношеній между социалистической и либеральной, т. е. между пролетарской и буржуазной демократіей. Эти надежды, составлявшія центральныя пункты политики социалистическихъ оппортунистовъ, снова посрамлены введе-ніемъ нѣмецкой буржуазной демократіи въ такомъ именно вопросѣ, гдѣ дѣло шло не спеціально о классовыхъ интересахъ пролетаріата, а объ интересахъ всей демократической части націи, гдѣ, слѣдовательно, буржуазно-демократическія партіи могли-бы, не поступаясь интересами своихъ буржуазныхъ избирателей, вести политическую борьбу противъ реакціи рядомъ съ пролетаріатомъ. На дѣлѣ, за вы-четомъ ничтожнаго кучки либераловъ, группировавшихся около Барта, нѣмецкіе „свободомыслящіе“ всецѣло торжизли борьбу социалистовъ и кончили тѣмъ, что предали ихъ. Поставленные между партіей реакціи и партіей пролетарской революціи буржуазные демократы еще разъ проявили свою политическую безхарактерность, свою неспособность отстаивать дѣло свободы, отстаивать тѣ самые идеалы, которые нѣкогда были провозглашены ихъ отцами. Дѣло за-

щиты интересовъ культуры, интересовъ громаднаго большинства народа иѣликомъ падаетъ на революціонный пролетаріатъ.

Въ Бельгіи либералы измѣняютъ движенію въ пользу избирательной реформы въ тотъ именно моментъ, когда ихъ помощь, обѣщанная пролетаріату, могла бы быть полезной, и когда общее дѣло — борьба противъ клерикальнаго врага — оказывается вронграннымъ вслѣдствіе ихъ измѣны, они же малодушно предають ярости побѣдителей борцовъ рабочаго класса. Въ Голландіи либералы вочти въ полномъ составѣ участвуютъ въ травлѣ стачечниковъ-рабочихъ, по-могають проводить исключительные законы, кричатъ: „рас-пиши его“ капиталистамъ, увольняющимъ тысячами „своихъ“ наемныхъ рабовъ. Въ Англіи либералы измѣняютъ трэд-юнионистамъ, когда послѣдніе требуютъ огражденія правъ стачки. Въ Женевѣ „радикально“ правительство высла-ляетъ военную силу противъ забастовщиковъ. Вездѣ та же картина.

Вездѣ организованный пролетаріатъ въ борьбѣ за инте-ресы своего класса противостоитъ всему буржуазному обще-ству, которое, не смотря на раздражающія его внутреннія разногласія, является единымъ, когда затронуты существен-ные интересы частной собственности. „Классъ противъ класса“ — таково, въ концѣ концовъ, положеніе вещей въ свободномъ европейскомъ государствѣ, и чѣмъ свободнѣе, чѣмъ демократичнѣе его форма, тѣмъ рѣзче въ извѣстный моментъ выступаетъ этотъ основной фактъ современной жизни. И передъ логикой этого факта, какъ картонные домики, разлетаются всѣ построенія оппортунистовъ, увле-ченныхъ софизмами буржуазныхъ пророковъ. Бернштейнѣан-ская идиллія разрушается грубой капиталистической дѣй-ствительностью, и она — этотъ лучший учитель — про-ясняетъ пролетарское самосознаніе и его революціонизи-руетъ.

Болѣзнь, привитая рабочему движенію бляшимъ еще недавно въ полномъ разгарѣ оппортунистическимъ „кризи-сомъ“, поныне не исцѣляется. Сильный ударъ нанесенъ оппортунизму бельгійскому урокомъ всеобщей стачки; гер-манскій пролетаріатъ снова переживаетъ періодъ револю-ціоннаго подъема; идея неуловимой классовой борьбы при-иивается къ швейцарскимъ социалистамъ; недавно еще „ре-формистская“ въ болѣе своей части итальянская рабочая партія постановляетъ, наконецъ, разорвать новобрестирую-щую связь съ буржуазнымъ правительствомъ, а француз-скій сознательный пролетаріатъ все тѣснѣе сближается около революціонно-социалистической партіи, предоставляя Миньеранамъ и Жоресамъ ту среду лавочниковъ, который интересы они въ сущности представляютъ. И не менѣе глубокая „размержка“ быстро происходитъ въ нашемъ оте-чествѣ, гдѣ всѣ силы пролетарскаго движенія все рѣши-тельнѣе етановятся подъ знамя революціонной „марксист-ской“ социалдемократіи, въ то время, какъ социализмъ оппортунистическій, вопреки еному злоупотребленію револю-ціонной фразой, все менѣе разоблачается своею еущностью, еущностью мелкобуржуазнаго „демократизма“.

Русскимъ революціонерамъ приходится вести отчаянную, неслыханную борьбу за введеніе въ Россію тѣхъ конститу-ціонныхъ урещдѣній, которыя существуютъ въ Западной Европѣ и которыя, какъ мы упоминали, отнюдь не явля-ются факторомъ „смягчающимъ“ классовую противорѣчія и классовую борьбу. Русскій пролетаріатъ беретъ на свои плечи всю тяжесть борьбы за демократію, хорошо зная, что демократическій режимъ обесчлтитъ дальнѣй-шее развитіе тѣхъ основныхъ „устоевъ“ современного общества, которые вырываютъ все болѣе глубокую про-пасть между неимущими и имущими, между пролетаріями и собственниками. Когда въ зав.-европейскихъ странахъ велась борьба за основныя демократическія вольности, тогдашніе революціонеры глубоко вѣрили въ то, что демо-кратія создастъ дѣйствительное „равенство“, что она поло-житъ конецъ классовому гнету и классовой борьбѣ. Эта вѣра наводнила энтузіазмомъ сердца тогдашнихъ борцовъ, она сдѣлала тогдашнихъ демократовъ революціонерами по духу, она дала выходомъ изъ буржуазіи ту идейную и мо-ральную силу, которая позволила имъ увлечь за собой всѣ живые элементы народа, которая сплотила весь народъ въ революціонную армію.

Революционеры современной Россіи лишены этой нав-ной вѣры европейскихъ людей педашяго прошлаго. Со-временными русскими революціонерамъ извѣстно то, что оставалось закрытымъ для ихъ историческихъ предшествен-никовъ. Они знаютъ, что сверженіе „старого порядка“ бу-детъ не концомъ, а всего лишь прологомъ великой соці-альной борьбы; что демократія не уничтожитъ, а, наобо-ротъ, разовьетъ до конца классовыя противорѣчія нашего общества.

Старая иллюзія невозможны въ наши дни; онѣ и не нужны революціонному пролетаріату, ибо тамъ, гдѣ онѣ ихъ раздѣляютъ въ извѣстную эпоху, ему много стоило осво-божденіе отъ ихъ чарующей власти. Чтобы бороться всѣми своими силами за демократію, пролетаріатъ отнюдь не дол-женъ выдѣ въ ней конечную цѣль своихъ стремле-ній; съ меньшей страстностью будетъ онъ за нее бороться, если будетъ считать ее ближайшимъ этапомъ на пути къ своему полному освобожденію. Но другіе едіальныя слон, заинтересованные въ демократическомъ переворотѣ, нахо-дятся въ иномъ положеніи: ихъ классовые интересы бу-дутъ всецѣло удовлетворены болѣе или менѣе полной демо-кратизаціей политическихъ формъ современнаго социальнаго строя. Дальнѣйшее общественное равнѣіе несетъ этимъ слонѣмъ упадокъ ихъ соціального значенія, и они не могутъ связывать свои идеалы съ этимъ развитіемъ. Для этихъ демократическихъ слонѣвъ, поэтому, борьба за политическую свободу не можетъ не отравляться мыслью о томъ, „что же дальше?“ Въ свойственномъ каждому борющемуся классу инстинктивномъ стремленіи достичь максимума революціон-

Экономическую площадь, чтобы, двинувшись отсюда, пройти мимо здания, но в этот момент оказался несостоятельным; тогда демонстранты были даны сигнал собираться перед артезианской скважиной. К 11½ час. утра один из рабочих развернул шелковое знамя с вышитыми надписями: „Долой самодержавие!“, „Да здравствует свобода!“. „Да здравствует восьмичасовая рабочая день!“. Волды пламени начали быстро собираться демонстранты, выхватившие из карманов листовки (более 400), а затем с какой-либо минутой все было и больше этого чистого расхола. Демонстранты начали рвать дуги на противоположному направлению проспекта, к казенному театру; толпа все увеличивалась. Рабочие двинулись вперед к воздвигшимся „ура!“, „Долой самодержавие!“ и т.п. и т.п. достигнув до кадетского корпуса и завернувшись на Саперную ул., начали расходиться. Полиция очень поздно узнала, что она была обманута, и всю свою злобу выместила на двух-трех десятках отставших позорных рабочих; началась жестокое побоище, дворники работали дубинами. Ужасная была картина!

Итак, Тифлисская демонстрация удалась. Арестовано много рабочих. Обыски и аресты продолжаются.

Бану. Майская агитация велась здесь усиленно. Было два больших загорелых рабочих, горбача. Распространены майские листки на русском, армянском и грузинском: от Ком. Кавк. Союза и т.п. Ком. Настроение со времени демонстр. 2 марта изменилось. Были два забастовки: трамвайных служащих и я табачных фабрике Мирзбекян (800 р.), обе успешны; все требования были удовлетворены на 2-ой день забастовки. Демонстрация назначена была Кавк. Союзом на 27-е одновременно с Таиф. в Батуми. На Паранетт группа рабочих (чел. в 300) в 11½ час. вывесили красное знамя (было уже теперь 3-й раз в бою) при криках „ура“, „Долой самодержавие!“, на этот раз они все пригласились ввернуть к площади ул. Демонстранты шли по Велико-кишиневской ул., чтобы с нею повернуть на Никольскую ул.; в начале Никол. демонстранты встретили еще одну группу, которая вывесила знамя революц. На Петровской площ. при общем крике „ура“ и „Долой самодержавие!“, толпы двинулись в авантюра, демонстранты с красным знаменем (он развевался по Николаевск. ул. Толпы руководили рабочими (он не арестован). Понд не видно ни казаков, ни городских; последние разбежались при приближении демонстрантов.

Толпа все растет да растет. Полагаю, что в процессии по Николаевской ул. принимало участие до 10 тыс. чел. рабочих (было от 3-5 тысяч). Состав толпы демократической, из нее отколоты отделившиеся от толпы, наполнившей улицы 2-го марта. Паркующиеся по городу слухи, что будут стрелять, удерживали любопытных в комитет. Демонстранты уже дошли до губер. сада и думали уже разойтись, но в это время вышло городское преграждает им дорогу вытиснутыми вперед обожженными палками, и сейчас же раздается один залп за другим; толпа разсыпается по соседним улицам. Оказавшись, стреляли холостыми. Городовые и казаки начинают свою расправу над неушедшими скрытыми. Несколько десятков арестованных в 12 ч. ранеными палками. Угрожая казнями и кулаками и палками городовых набивают утюжники неприятели. Но, повидимому, демонстранты счастливо избежали страшного кровопролития. От главного жандарма на Кавказе получены были приказ стрелять и дать такую отработку, чтобы „воров не повадилось“. Полиция, зная заранее план демонстрации, устроила засаду: казаки и полицейские, многие были пропущены демонстрантов и выскочили только тогда, когда хвост демонстр. будет у Крестов Крест; главное вышло было под предводительством губернского ниже губернии, сила у д. Армянских; демонстранты оказались бы тогда запертыми — среди пехоты, среди казаками в полицию. Пехота должна была открыться огнем, заставить всю массу (прим. убийств!) повернуть назад в обратную сторону ударил бы в палки. Можете себе представить, как хитрый полковник потирал руки от гениальности своего плана; по полицейским зародыш поучительствовал нежного и дал залп, когда передние ряды дошли до Кр. Крест, и тем же разстроил весь план кампании, а губернатору лишь, впрочем, время и „сердечный слез“. В 5 ч. дня демонстрация повторилась в другом конце города: на Тельф, Станислав, Балах, и Каспийск. ул. с знаменами и пением, там было убито гор. войс. ранен серьезно крестьянин (вечером говорили, что он умер); избиты городовые и шинки. Прибывшие казаки набили демонстрантов в публику, но в общем победой осталась на стороне рабочих.

В Балахавых (промышленный район в 12 ч. от Баку) в 7 ч. веч. вышло темное, стало было выкинуто знамя, волею которого собралось около 3-х тысяч человек; демонстр. с пением направилась к вокзалу, прошли одну улицу и хотели было уже разойтись, как из засады выскочили казаки; они были избиты градом камней; полицейские, получив удары камнями, укапали, а казаки, не предпринимая тылу, открыли огонь; демонстранты разбежались по соседним дворам и приютились, оставив на месте 5 чел. ранен и одного убитого. В этот же время демонстрация на Николаевск. ул. была гонимой полицейскими; один из демонстрантов, по словам пристава, обжигаясь утюжками нельзя было его заставить выпустить знамя, и только тогда она удачно нанесла ему несколько ран на руки, они тогда воспользовались добьюсь. 18 апреля набиравши праздновали первое мая, так что ни одна газета не вышла 19-го.

Кутаись. (Из частного письма. Ты не можешь себе представить, что происходит теперь на Кавказе. Скажу о том, что я вижу и слышу в Кутаисе). Веч. готовятся к 1-му мая, говорить, что будет „бунт“. Особенно об этом говорят чиновники и больше всех их жены; они думают, что хотят избить чиновников и богатых. Такие заключения они выводят из разбрасываемых по городу из приютственных хитрых и развешенных разноцветных листовок, прокламаций. Труселая фантазия чиновников и купцов рисует много, чего никогда раньше не слышали ниши манифестантами. Говорят, что 1-го мая должны быть большие манифестации по всем крупным центрам Кавказа. 18-го марта была манифестация и стилизация с полицией в г. Кулаши (Кут. губ.). В Гурии (Кут. губ.) крестьяне были не тронули ни одного клочка дворянской земли; обрабатывают только свою. Что-то похоже на крестьянскую стачку в духе Толстого. Губернатор тайно угрожал крестьянам, но ничего не вышло. Мальчишки уже на улицах играют в „бунт“. Вообще мы быстро движемся вперед.

Ростов н.д. Не везет нашей полиции! Только что улеглось волнение после неожиданной удачной демонстрации 2-го марта, как снова полиция очутилась в дураках. В ночь под 26-го на Темерник, в самом городе, на верхней улице, состоялась сходка с целью обсуждения демонстрации 1 мая. Присутствовали около 200-250 человек. Ярко освещала зрелище ряды рабочих, расположившихся пидкургомом; на светлом фоне выступил аид-Залас фигура оратора, могучий голос которого разнесся во все стороны. Он говорил о празднике 1 мая, о его значении, развешал плакат демонстрации, он призывал рабочих владимирской дороги быть в первых рядах демонстрантов. После короткой речи, поднимая флаг с лавицей Марсельезы, прошел по всей верхней улице.

Снова оратор останавливал демонстрантов, снова призывал их к борьбе с правительством. И еще два раза пошли демонстранты, раскаяв „Варшавянку“.

В заключение, оратор упомянул о том, что полиция хочет

*) Остальные четыре были поданы при соединении двух групп демонстрантов.

опозорить праздник первого мая еврейскими погромами и призывал рабочих защищать евреев. „Смерть врагам и убийцам!“ — такими словами рабочие выразили свое отношение к погромщикам.

Так разошлись.

В это время в городе была тревога. Из театра вывели все аластай, пролетая на казак (кажется) двинули пехоту, но на Темерник все уже было тихо.

В городе масса толков к слухам; обывательская фантазия разыгралась.

Характерен для понимания движения правительства тот факт, что при первой тревоге раньше всего занялись охраной отбывших государственного балка.

Предмайская агитация идет усиленно! За апрель месяцы выпущены следующие прокламации: 1) отать на брошюру генерала Богданова, 2) о социализме, 3) о политической свободе, 4) что такое демонстрация, 5) тронка борьбы с самодержавием, 6) к военным, 7) по поводу кишиневского погрома, 8) к береговым рабочим, 9, 10) майские листки Организационного Комитета и 11) (может быть) в день первого мая будет разбрасываться листовка, выходящая значение праздника.

Каждый листок выходит в количестве 5000-6000, кроме к военным (600) и к береговым рабочим (еще не вышло). Листки Организационного Комитета напечатаны в количестве 9000 и 10.500. Часть разослана в другие города (Таганрог и др.) Сильных провалов нет, аресты среди рабочих исключительно благодаря провокаторам (предполагают трояки).

Из интеллигентов за апрель арестованы Илья и Щербинин. Обвинение предъявлено на основании показаний об усилении охраны.

Николаев. Незадолго до 1-го мая здесь были распространены предмайские и майские прокламации „Организационного Комитета“. На всех крупных заводах решено было праздновать 1-ое мая, одиночной забастовкой. Но еще до 1-го мая здесь были распространены прокламации „Кишиневской Соц.-Дем. Орган.“ о кишиневском погроме. Прокламация эта проповедовала на рабочих огромное впечатление. А тут еще в Николаеве начался распространения слух о готовящемся и здесь погроме. Полиция усердно поддерживала эти слухи, указывая на рабочих, как на виновников. Полиция очень хотела каких-нибудь коллективных действий рабочих. Ей очень хотелось крови. Здесь еще свежо воспоминание погрома 1891 года, устроенного полицией. А что он был устроен тогда полицией, служившей доказательством то, что еще задолго до него местный жандармский полковник. Дремлет общался, что ерпен будут разгромлены.

В виду этого рабочие решили в день первого мая разсыпаться по городу, а если погром начнется, то на еврейского немедленно превратить его в погром полиции. Может быть, конечно интересно будет знать, что рабочие здесь почти сплошь христиане.

Полиция начала готовиться к 1 мая. Днем и ночью дежурили батальоны в полной походной форме, готовые выступить против „внутреннего врага“. Уже заранее было указано наряд офицера, какие места в городе он должен занять. У большого большого завода „Французского“ была устроена полицией засада. Распространившись по городу слух о том, что рабочие, признавая 1 мая, хотят в этот день разгромить евреев, полиция очень старалась в глазах населения свести рабочих к гримасам и заслужить одобрение населения, если она, полиция, пустит в ход против рабочих военную силу в случае демонстрационного празднования 1 мая.

И в публике упорно циркулировали слухи, что начальство оприход рабочих пригласит мэра, что празднующих рабочих будут уклонять с заводов, что градоначальник по самому майскому поводу пустит в ход солдат.

Наступило 1 мая. Одним из самых больших заводов на юге России „Французский“, не работая. Также совершенно не работала Черноморский завод. В мастерские Адмиралтейства не явился половина рабочих. Переиспеченные три завода единственно большие фабрики. Печются еще несколько мелких заводов, но и там были празднующие. Народ имел очень праздничный вид. Рабочие с самого утра разгуливали по городу, по бульвару. Днем рабочие собирались за городом. В одном из мест одним рабочим была произнесена речь. Это первая случай празднования майского праздника большинством николаевских рабочих.

Вильно. Здесь в большом количестве были распространены майские листки Бунда и Польской Соц. Партии. Листки Орган. Ком. не успели распространить в большом количестве. Демонстрация не было. Охрана была нейтральной. Были случаи, что люди не могли попасть в собственные квартиры: две женщины не пускали, ни выпускали, говорили дворники. Последних выдвигали дубинами. На Завальской ул. 13 апреля в 11 ч. утра выгнали было собориться группа чел. в 30, но тотчас же прискакали казаки и разогнали.

Смоленск. 26 апр. рабочие (больше 300 ч.) собрались весте на 7-ой город, в 1-ую, праздновать 1 мая. Было оживленно, весело; местными интеллигентами (членами комитета) было произнесено несколько речей на различные темы (о первомайском празднике, о социализме, о политической свободе и т. п.).

Около часа, когда уже некоторые стали расходиться, собравшихся задержать, что несколько человек арестовали на дороге. Публика была встревожена и стала расходиться по разным направлениям. Одна часть (80 ч.), которая проходила мимо кладбища, была окружена солдатами и арестована. Большую часть арестованных составляли еврейские рабочие, схваченные одним гимназистом. Никуда, кроме гимназиста, еще не выпущены; у арестованных были произведены обыски, и вкря был допрос. Пока еще ничего не известно. Смоленск встревожен этим неизвестным здесь погромом. Полиция вся на ногах; изобретают интеллигентные губернаторы выслазеть из Смоленска из глухих уездных городов; выданы уже проходные свидетельства с требованием о немедленном выезде.

Амбала. 17 апреля здесь распространены в 800 экземпляров майский листок на латышском языке; кроме него в 150 экз. листовка на жаргон: — издание Бунда и листок Организационного Ком. — В ночь 30 на 31 марта здесь арестовано 20 человек, из них большинство выпущено уже; остались в тюрьме всего семь лиц: португиз Леонисон и Шелз и пять рабочих. Судящий в местной тюрьме с сентября 1902 г. португиз Медниц, арестованный на вокзале с 20 еврейскими прокламациями, переведен в Газенштокскую тюрьму — сырую, темную, вонючую яму.

АНТИСЕМИТСКАЯ ПЕЧАТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ПОГРОМ.

Кишиневские ужасы на первое время сместили было антисемитов. Они попробовали сделать вид, что и им не чудны человеческие чувства, что и они далеки от одобрения поджогов насеченных убийц, обожженных улиц Кишинева кровью евреев, преданных ваттала. „Новое Время“ — в виду нападок и угрозы газеты на Крушевана — заговорил даже и необходимости особой осторожности в такой момент, когда страсти возбуждены, о необходимости для негата содействовать „умиротворению“. Старая лиса понукала, что в русском и европейском обществе сочувствие жертвам и негодование против убийц достигло высокой степени, и постаралась сбросить с себя ответственность за случившееся.

Но в России общественное мнение ничего не значить перед „умиротворением“ правительства. А правительство Плене слишком незнакомо с тем, что называет утешением в сочувствии, чтобы не попытаться помысли утешением нагнетать факт своего

позора. Перед лицом вымуженности Западной Европы Плене выступил с своим „названием“, которое во своей известности, по своему провокаторскому характеру, может фигурировать в первом ряду илуд пронаведений „интерпретации“.

Евреи первые начали драку 6 апреля, еврейские раныли русского 7 апреля — таква в изложении г. Плене, который думает „названием“ обур-шпона „Ишукана, история погрома. И, вместе с приказанием, обращенным к охотникам — не допускать никаких беспорядков, г. Плене запрещает еврейям вооружаться для защиты.

Чтобы не было никакого сомнения в том, что правительство хочет понах погромов, г. Плене дает предостережение „Праву“ и „Восходу“ на их статьи о кишиневских злодеяниях и протестах против роли кишиневских „Новостей“ и „Вольны“.

Антисемитская печать пошла пойти на встречу стоп. и по порекомендованной желанием начальства. В номере от 11 мая „Новое Время“ печатает провокаторскую корреспонденцию, в которой вся вина за погром сваливается на евреев: они грабили, модавали, они довели их до отчаяния, они нападали, они стреляли. Правда, она же и постреляла, но... все еврейский об истязаниях, произведенных погромщиками, оказываются ложными. Правда, убито два грустных мальчика, но... по они убиты нечаянно собственными матерями, когда те спасались от толпы. Мы не мучим: так, инвертируя в „Новом Времени“. Остаются узлы, не сами ли евреи вбивали гвозди в черную еврейку, не они ли выкалывали глаза — все случаи, официально засвидетельствованные врачами?

„Новое Время“ снисходительно готовит новые погромы, распространяя новую ложь. Шанс Суворинских и Крушевана мало кишиневских жертв: им нужны новизна. А русское общество — к стыду своему — не сумело до сих пор уничтожить эту гниющую язву нашей жизни — пропаганду антисемитскую прессу. Русское общество или кое-как выражает свое отращивание к поджигам антисемитизма, утрачивающих погромы; на реальный протест его не хватает. Резолюции литературы в Петербурге крайне бедны и тринельно прачать жало, направленное против притеснения. И люди, которые в добром европейском городе, не могли бы выйти на улицу, люди, с ног до головы обряженные крошечку, могут выступать с гордо поднятой головой.

Харьковские студенты и рабочие в свое время называли ректора Юзефовича, петербургские студенчество, а с ним и вся передовая интеллигенция, в 1899 году пригласила к погрозному столбу тип ж. Суворина, когда он выступал в роли защитника дворянской нагайки. Почему же теперь лично не слышно ни о чехе подобном? Почему Суворин и Крушевани еще не наказаны?

Кстати: правда ли, что в самое последнее время Крушевани получил 50.000 рублей изъясной субсидии?

Правда ли это? В итальянской социалистической газете „Авант“ и в английской консервативной „Times“ напечатано — со слов „одного русского корреспондента“ — пришедшее ниже „свернуто секретное“ письмо Плене к бессарабскому губернатору, фон-Рабену.

Если сообщение это верно, — а мы не имеем еще возможности проверить его достоверность, — то оно повлекло очень нести, в том же момент, когда русское правительство — этот зарвавшийся прох — сдало попытку глумиться карты европейского общественного мнения, уловив генерала фон-Рабена в, таким образом, свалив свою собственную ответственность на жеттун административ. В статье, посвященной кишиневскому погрому, мы уже указывали потинного шовинизма дневного раба — русское центральное правительство. Проводимое нами виск, помещенное 30 марта, т. е. составленное за день недели от погрома, содержит лучший издержек высказанного нами обвинения. Дух Плене или — но не лишнему остроумия выражением крошечного „чудотворца“ Юаня (см. письмо, напечатанное в „Новостях“) — „дух дымола“ царил над толпой кишиневских убийц, и рука его, обожженная кровью злодеев, тифлиских и других бесчисленных жертв, многократно ослепляла перед тьмой, что замучал еврейских детей и насилуют еврейских женщин. Почему? В ответ на эти вопросы небольшую часть правды выкалывает теперь „овершено секретное“ письмо фон-Рабену. Мы даем перевод этого письма с английского текста газеты „Times“:

Мил. Ва. Г-н. № 141.

Камелитин Министра.

Свернуто секретно.

25 марта 1902 г.

Г. Бессарабскому губернатору.

До вкратки моего дошло, что во вкратки Вам губернии готовятся обширные беспорядки, направленные против евреев, главным образом, эксплуатированных жетное население. В виду всеобщего безоружия населения городского населения, имеющего несколько, а также и в виду того обстоятельства, что, несомненно, нежелательно слишком строгими мерами вселить истребительную правительству чувства в незатронутую еще (революционной) провинциальной население, Ваше Превосходительство не иронично прибегает для немедленного прекращения возможных беспорядков к отрицанию убийства, отнюдь, однако, не обращаясь к дружбе.

В. Плене.

Еще о кишиневском погроме и о роли в нем правительства. Из двух подходов до убийств содержатель трактата „Москва“ Алесий Григорьев получил анонимное письмо с требованием распространить прокламацию, которая ему будет скоро доставлена, илуд илуд будет убит; до подходу до Пасхи эти направления против евреев прокламации ему были доставлены, и он их распространял, ах среди владельцев трактата. Прокламация, надо отметить, напечатана в „тапографии“ „Бессарабия“. Хотя губернатору и заявлялось об этом, по трактату был закрыт полицией только на первые три дня Пасхи.

Из числа интеллигентов, руководивших грочьями, упоминаются ниже Балинского, студента Мала, духа гиндистов Львовых с отцом — смотрителем военного госпиталя.

Полковник охраны жандарм барон Левенталь заявил: „лучше погромом русский народ“ отбавил на еврейский социализм“. Говорит, что командир корпуса Милова, посетил Кишинев, резко порицал офицеров за их поведение. Служебные ведомости следователям Фрейтагом и Давидовичем самими преступниками образом: они отказываются записывать в протоколы показания потерпевших против должностных лиц; поэтому, избитые отказываются от дачи показаний.

Еще до погрома в Кишинев полиция в г. Аккермане собирала с евреев деньги на охрану их в случае погрома. (Собрано до 2000 рублей).

В г. Вильнах на Пасху на заборах появлялись прокламация, называя „бить жидов, пьющих кровь народа“.

Киев, мэр. Киев в административном отношении находится сейчас в полной анархии, что в виду хаотических слухов, паники, путаницы понятий и отнюдь еще больше затруднительное положение пошел. Драгомирский, говоря, выкалывает на Петербурга 18-го или 20-го. Тревога назначен сенатором, илуд полномочия передать барону Штакельбергу (вице-губернатору, крупный друг), специализируясь в порке крестьян, так что, вполно, илуд все будет из подполков Новикий, а на улице полицией-кестер Цихоний (двоюродный брат баронессы Ишесиской). Еврей высказал деуацию 1) к Новикому с просьбой предупредить погром; отбавил: „Вам известно, что 20-го назначена демонстрация. Если в ней не примут участия евреи, ни один еврей не упадет с их головы; если примут — я не дам отбавить“. 2) в испанском случае мы не должны шириться до такых разборов, как в Кишиневе; 3) к Цихонскому: тот скажет: „если еврей сами не будут защищаться, полиция их“.

защитить*. Богатые евреи в Аленсаиронской улице (Подольск) — торговые еврейские магазины, где можно было видеть еврейские ремесленники, где больше всего (в основном) полагали прибавку подпольного участка несколько тысяч рублей* — пробыли не допустить ареста. Тот, деньги подождал в кармане и говорит: «лучше терпеть, чем обременять себя, а не что-то вытребовать, и не участок не могу ругаться. Во всяком случае, вытребовать три дня не выйдешь на улицу». До чего же воду скандала доходило паника, можно судить по следующему: в Космичевском банк ищутся особые именные акции в иностранных магазинах для хранения ценных бумаг, — акции, конечно, пустые. Директор банка говорил вчера, что теперь они не только защитят себя, но что последние продукты своим клиентам, а также ищутся в магазинах. У Ломбардов в магазине были густые толпы еврейской бедноты, тягавшей туда свои вещи на хранение; бросались в глаза обилие швейных машин. Молодежь еврейская устроила «временный комитет еврейских и «антисемитов», приняв демонстраций не устраивать. Изначителем, говорить, в своих рядах до 300 человек, молодежи. Среди учащихся многие вообще записались, революция — для евреев случай*. Аресты ежедневные на улицах по домам. Позавчера шквал арестована рабочая сходка, вчера вечером интеллигентный (50 чел.). В лесу захватили шесть рабочих ребят.

Київ. Банк змінилося в драматичні ночері. Комітет отримав повідомлення на 4-го априля демонстрації, так як уявляв, що поліція готовити на цілі день погром євреїв. В наданий 27-го априля прокламації „Почему біля отримали демонстрації 4-го априля?“ Комітет раєказивает в томъ, какъ полиція распространяет слухи о готовящемся погроме. Между прочимъ, на Пристаня вна Крештиніт распространяють брошюры, в которыхъ имъ євреїв возмодаетъ всякия небылицы, прачеи распространяють ихъ аєвєт релігіозно-крєстниченськю обєстєи выкрикивать: „судєство отъ жидовъ!“

Приставы подольского участка в полицеймейстеры Нихондзя подучили от еврейской буржуазии крупные взятки. Полицеймейстеры приняли «мазу» и под предлогом употребления поддельных ему денег (от 6 до 10 тысяч) для усиления штата полиции. Конституисты, что самодержавие отказывается еврейские охранять их, задерживая их права. Комитет пригласить еврейских граждан выразить свой протест против правительственного антиеврейства участить в майской демонстрации, которую они проведут на 4-ое мая.

Концентрация гонимых была, что его агитация против фашистских "погромов" привнесла извне. "Все еврейское население, что мы знаем, революционизируется. Спрос на наши листки и брошюры — громадный. Иностранцы, даже мирные евреи, хранят их, как святыню". Провлащая о кишиневских авторитетах и отрядах коммунистической милиции, на один день разлетевшись по городу, Коммунистическая типография издала их три тысячи, но они перепечатаны. Коммунисты самооборонны*, который для этого работала в четыре смены.

Потребовало лишь позитивно, подтвержденные в № 23 „Рев. Руб.“ заявления на Комитет за отсрочку демонстраций должны великого значения и линии разв. свидетельствовать и недобористости столь же безупречной, сколько и претензийной „партии“.

Одесса. Патроль въ Клишневѣ строгимъ поразилъ вѣтъхъ. Кн. ести еврейскіи молодки, нужно указать, что она готовилась, поитья къ себѣ въ Одессѣ, и нужно показать, пестолаи быд. Калѣ тогда, что „Комитетъ національной обороны“ возмизнался для своихъ цѣлей поминаніи, отведенными подлїей дѣл, „незвонихъ“. Сынствы) на почвъ патрона уепенно рууть въ Палестину, отдавая евреевъ, что бьрыбы съ само- державіемъ. Мѣстный Комитетъ Рос. С.-Д. Р. П. выпустилъ при- клажанію о патруль „Къ обществу“ въ 2000 экз., подлинны ихъ были разбросаны передъ тысячами. Краймъ того, о патруль были вынуждены проселанія къ ягастъ въ 3000 экз. Несомнѣнно, патруль сыгралъ огромную агитационную роль. Везде тѣлои и говорятъ о преступникахъ полици и правительствы.

Ялта, 1911 г. Ходить ушренные слухи о предвещающих нам месяцев скорейшем погроме. Семнадцать тридцать значительных евреев покинуло уже город. Еврейская мелкота, не отличающаяся возможности следовать за богатыми, живет в непрерывном страхе, неуверенности. Это первый ветряный уличный мальчишка, которому придется в голову фронталит бросить в еврея камнем, не подлетя гналца кь поголовному избиению. Насколько напряжена атмосфера, показывает такой факт. Проходит по городу жидовные палаты, а сейчас же раздается слух, что на случай погрома прибыл войска - то иль Севастополя, то иль Феодосии.

С.-Петербург. 18-го апреля в Домѣ Предварительнаго Заключенія около 12 часовъ дня всѣ политическіе заключенные вышли въ окна: «намена и вся тюрьма отгласилась шептѣмъ „Варшавянка!“, а затѣмъ „Марсельезу“». Начальство совершенно не ренолошало, выбѣжало на дворъ, не зная, къвѣмъ мѣры принять противъ демонстрацій. Послѣ пѣнія раздались крики: „да здравствуетъ 1-ое мая!“, „Долой самодержавіе!“ и пр. революціонные возгласы, покрытые восторженными „ура“, но только политическіе, но и уголовныя. Вечеромъ того же дня послѣ мнѣній уголовныхъ снова были выкажыты вѣнзена, при чемъ всѣ окна были освѣщены свѣчами (своего рода иллюминація) и снова политическіе закрили „Марсельезу“ и „Варшавянку“, раздались снова революціонные возгласы: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ социализмъ!“ и пр. На слѣдующій день тюремное начальство взбѣсило жандармовъ, по распоряженію которыхъ большинство политическіхъ лишено свиданій, переписки на мѣсяцъ. Изъ заключенныхъ (политич.) насчитывается до 150 человѣкъ; 2-го апреля выпущены взятые по дѣлу „Искры“ въ ноябрѣ: Палашакова, Горюдинскій, Шнейерсонъ (былъ привезенъ изъ Кіева), а рѣньше Леватская, Красуха.

Петербург 14-го апреля на Петербургской сторонѣ, по Бол. проспекту д. № 67 на кв. медвѣжки Барановой арестовано около 5 чел. Среди арестованныхъ большинство медвѣжекъ, 4 рабочихъ: Богдановъ, Корининъ, Яценковъ. Аваляновъ, ст. Дюбуа, гулявшая въ о-вѣ „Надежда“ Шнейерсонъ Ф. Д. Шнейерсонъ, куристка: Девцова, Соболева, Косачъ и др. Полиція хватала всѣхъ, кто только поднимался по этой лестницѣ; напр., взяли какаго-о субъекта, шедшаго изъ бани, женщину съ ребенкомъ, изъ люминиства заглушающую. Аресты не прекращаются. На дняхъ арестованы два сестры Дмитріевы — лесгафтянка, шесть студ. ехнологовъ, рабочій Стернякинъ. Изъяты двѣ типографш.

Въ городѣ ходятъ слухи о веселомъ дѣшномъ покушеніи на Николая. Рассказываютъ, что какой-то студентъ поджидалъ его на катерининскомъ каналѣ, но нѣмцы обратили на него вниманіе и отобралъ револьверъ. За достоверность не ручаясь. Не пошла ли распространять подобныя слухи передъ 1 мая?

Москва. Пустое правительство с пустынными, достойными ученика умами, принимающее свое "сердечное" отношение к учащимся молодежи. Подъ пушечки боеискусств разговаривать, выслушивать комитет и подкомитет о школьной реформе, правоуполномоченный "реформируется" в учебный заведение, организация школ не соответствует его зубовским требованиям. Как?

) Отъ р.д. Кстатъ о ермитахъ: намъ сообщаютъ, что эти люди уклоняются отъ участія въ митингъ, собираемыхъ парижскими профессорами, въ цѣльхъ протеста противъ коммунистическихъ дѣятель. Мотивирующъ: они не желаютъ портить своихъ отношеній съ правительствомъ Русскаго государства. Парижскіе студенты оказываютъ въ христіанской компаніи: либеральные профессора Западныя русскія школы также не приняла участія въ этомъ митингѣ. Мотивы, конечно, есть же шкурнаго свойства.

[illegible]

Москва. События Вам, безусловно, известны. Впечатл. от выгнания из Сиб. студента (имя запрещено) прижатая к груди ея. К сожалению, не могу сказать, насколько (личное) сердечное понимание и потому передаю самую суть, полн. пинка.

Власти заявляют, что возвращенные вынужденными распрости- нием и разгнанные вокруг Москвы (как водни вокруг ови- рии) потонуты являются туда, проживают и ведут агитацию, а также нелегально устроили беззакония на политическом поприще. Все это проявляется в митингах властей, нежелании платить за вы- ступления агитаторами и о выезде их из страны немедленно, по- зволяющих телеграмму Московским же властям читать их в- ливение, конституции, сформировавшейся для армии и заключении. Дальше прилагаются списки нежелательных из университета и возвращенных из Сибири, всего человек триста. Из Москвы, состоялся 12 января возвратившиеся студенты Караким и только что выступили на торжестве под большой залой (5000 р.) и вернуть, еще предстоит возвращенных пригласить, Волонтер, посетители студ. Караким, также возвращенных и индустри-

въ Университетъ — но выпустили. Вотъ вамъ и милость цар-
ская — зачнешься!

Еще надо прибавить, что полиция не особенно-то удивлена случаем, а то еще много уехали бы на дачу».

Уже два раза провокаторы старались устроить безобразия, но, понимая, что они выйдут за пределы, и вопреки желанию были бы проявить свою развращенность.

Появившись «охранять» прокламацию преступника, содержавшегося в тюрьме, — первый раз, перед 23 февраля (опровергая тем самым претезию). Другой раз она приглашала на выход в среду 27 февраля, чтобы «задержать петербуржцев, заявивших, что теперь учиться невозможно».

Проклятія подієсна Н-ськимъ землечествомъ, котораго «Ця панельдованіи и подієжущемъ разсмотріаніи не оказались.

На сходку явилось около 50 человек, и не смотря на успешное приглашение неизбежность студентов, во что бы то ни

стало устроїти безпородище, і не зважаючи на всі обпівнічі на присутність — схожа розширення мирно. Очевидно, тільки думав, що, при теперешньому настрої елі легка змістити всіляк, став-варяє (а ніхто з не є розчарування і не бачи).

Начальство старается! Копия съ секретнаго письма начальника штаба кавказскаго военнаго округа Наказному Атаману Кубанскаго казачьяго войска отъ 26-го февраля 1903 года за № 639.

Военный министр въ письмѣ своемъ къ командующему войскамъ округа отъ 21-го января с. г. за № 62, сообщилъ мнѣ нижеслѣдующее:

По полученным из Департамента Подписи сведениям, за последнее время наблюдается усиленное стремление со стороны равных революционных групп к организации противонаправительственной пропаганды в войсках. Последняя выражается в попытках распространения среди солдат и других военных чинов пеленгальных изданий, которые для этой цели рассылаются в войсковые части по почте, или, что наблюдается гораздо чаще, подбрасываются в кувшины, дворы при них и других местах, находящихся в исключительном ведении военного начальства.

Однако, не смотря на приваживаемыя чинами Отдѣльнаго Корпуса жандармовъ весьма дерзновенныя мѣры къ разясненію подробностей событий, дознавіи о распространеніи революціонныхъ изданій въ войскахъ обыкновенно прекращаются за неоплауженіемъ виновныхъ. По вступившимся въ Департаментъ Полиціи свѣдѣніямъ, въ числѣ принятыя, вызывающихъ такой нежелательный исходъ дѣлъ, немаловажное мѣсто занимаютъ иѣкоторыя обстоятельства, устраненіе которыхъ зависить отъ самага военнаго вѣдомства.

Изъ числа уголовныхъ обстоятельствъ, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе медленность, иногда весьма значительная, въ увѣдомленіи чинами Корпуса Жандармовъ военными властями о случившихся обнаруженіяхъ въ мѣстахъ изъ исключительно вѣдѣнія преступныхъ по содержанию сочиненій. Такая медленность происходитъ очея часто вслѣдствіе того, что мѣстное военное начальство производитъ вопреки 1035 12/13 ст. Уст. Угол. Судопри своихъ средствахъ разсѣдованіе, которое затѣмъ передается въ надлежащее Жандармское Управленіе, иногда же объясняется тѣми обстоятельствами, что нѣкоторые чины не всегда своевременно доносятъ кому слѣдуетъ о найденныхъ ими нелегальныхъ изданіяхъ. При этомъ нельзя не упомянуть, что начальники нѣкоторыхъ воинскихъ частей, изъ боязни скомпрометировать свою честь, наотрѣпно скрываютъ и упяточажаютъ находимые въ поднадлежавшихъ имъ мѣстахъ революціонныя листки, прокламаціи и т. н. Далѣе, при производствѣ нѣкоторыхъ дознаній было установлено, что распространеніе нелегальныхъ изданій можно было бы предупредить, если бы вездѣ признавалось одинаково необходимымъ имѣть смѣняющіе дневальныя при входахъ въ казарменные дворы и вообще въ мѣста, служащіе исключительно для военнаго вѣдомства. Наконецъ, представляется весьма желательнымъ установленіе особо тщательнаго надзора за помещеніями, гдѣ находятся нижніе чины изъ евреевъ, я равно и за военными послѣднихъ, т. к. практика показываетъ, что вти солдаты поддерживаютъ обыкновенно сношенія съ мѣстными еврейскими населеніемъ, изъ среды котораго выходятъ вообще не мало лицъ, занимающихся революціонной пропагандой. Вслѣдствіе вышеизложеннаго, Военный Министръ приказалъ подтвердить, въ пятидесятѣ огражденія арміи отъ преступной пропаганды, по войскамъ округа: 1) чтобы начальники отдѣльных частей отнюдь, подъ опасеніемъ строгой ответственности, не позволяли себѣ упустить или какихъ-либо образомъ скрывать отъ надлежавшихъ частей находимые въ поднадлежавшихъ имъ мѣстахъ революціонныя листки и вообще изданія нелегальнаго характера; 2) чтобы о случившихся обнаруженіяхъ въ мѣстахъ, состоящихъ въ ихъ исключительномъ вѣдѣніи, преступныхъ по содержанию сочиненій, они безъ всякаго замедленія сообщали бы надлежающимъ чинамъ Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ, т. к. по закону производимыя дознанія по государственнымъ преступленіямъ, за исключениемъ лишь случаевъ, точно указанныхъ ст. 1035/12 Уст. Угол. Судопр., влечется именно на офицеровъ этого корпуса; 3) чтобы нижнимъ чинамъ вновь была подтверждена и постоянно напоминаема обязанность ихъ немедленно представлять по наличеству всѣ находимыя ими нелегальныя изданія; 4) чтобы при всѣхъ входахъ въ казарменные дворы и вообще въ мѣста, входящіе въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства или наряжены дневальныя изъ расторопныхъ и грамотныхъ нижнихъ чиновъ, на обязанности которыхъ лежало бы слѣдить всѣми отдѣльными лицами, входящими и выходящими изъ мѣстъ дворовъ и помѣщеній, опрашивать, буде встрѣтятся въ нихъ надобность, о званіи ихъ, о цѣли прихода, съ отпѣткой о томъ, а также о времени ихъ прихода и ухода въ особую книгу, представляемую ежедневно дежурному по части офицеру; 5) чтобы ближайшее начальство за нижними чинами изъ евреевъ ихъ веданіи, въ виду обстоятельствъ, указанныхъ въ foregoing Департамента Полиціи, имѣло особо тщательный и усиленный, хотя и не главный надзоръ.

Обо всем вышеизложенном мнѣ честь сообщить, по приказанію Командующаго Войсками Округа, Вашему Превосходительству для записанныхъ распоряженій о неуклонномъ исполненіи всѣми начальствующими лицами вышеприведенныхъ мѣръ, подписанныхъ Его Превосходительствомъ Военнымъ Министромъ.

На пропаганде в армии. За попытку «офицеры русской армии» использовать убийство в том, что в марте в Киев был направлен генерал-губернатор, прокламация «К русским офицерам». Прокламация призывает внимание офицеров на действия их воеводы «умиротворителей» освободительных действий. Прокламация подписана «Сказкою для пропаганды в войсках».

Красноярск, апрѣль 1903 г. Ваканалія полицейской и жандармской разнудавности въ нашемъ городѣ все продолжается и
стѣтъ.

В марте нас ошаставил своимъ прїѣздомъ фонъ-Валъ, ившій для лѣтнаго разслѣдованія томскаго побойща и соавршій, воспользовавшись случаемъ, экскурсію по Сибири. Съимъ прїѣзда сказались въ Красноярскѣ усиленной погоней за революцонными баццлами¹⁴. А такъ какъ здѣшніе спецїалы всѣма еще плохо оспѣдомлены въ бактерїологію, то естено, что она по глубинѣ хватяетъ первыхъ попавшихся нѣ

Вскоре после последних мартовских арестов и обысков, рѣшилъ въ Красноярскъ прокуроръ судебной палаты Ираковъ, чтобы выучеянкъ школы гг. Муравьева-Плева, рѣшилъ навести рѣшительно ужась на городъ и „революционеровъ“. Онъ распорядился объ арестѣ ссыльнаго Икова, у котораго зашли одгу премоацию; онъ призвалъ къ допроу фельдшерницу, у которой наиз текстъ адреса томичамъ, при чемъ былъ до крайности грубъ въ асе прете“, „плетете, чортъ знаетъ, что“ и пр. млыя вы-
жения такъ и сыпавшя съ устъ ѣ. прокурора; нехотѣлъ Иковъ.

Мѣст. Паричи Могилев. губ. Съ осени 1902 г. рабочее движение захлестывает и наше глухое мѣстечко. Начинаясь стачки ре-

меленных рабочих. Первыми стали бастовать портняжи. В результате стачечного движения повсеместно сокращение рабочего дня до 12 час. (прежде он обыкновенно составлял 16-18 часов), а перед праздниками и в 24) и улучшение в общении хозяев с рабочими: в области прошлого отощан ругань и побои, царившие еще недавно.

Сейчас же после первой стачки к нам приехал из Бобруйска жандармский офицер в сопровождении тов. прокурора и чл. своры жандармов. Были обыски, не давшие ничего для жандармов. Там же не менее, в интеллигентной и 3 работницы были отпущены под надзор. Наблюдать жандармов оккупировали благотворные деятели: они успели возманивать против себя рабочих и так называемое „общество“.

Вслед за рабочими зашевелилась домашняя прислуга, рабочий день которой здесь, как и везде, ничем не ограничен. В одно прекрасное утро 25 служанок бросили работу и демонстративно пришли по улицам. На угрозы, на слезы(?) хозяйки не поддались: прислуга требовала, чтобы в 9 час. вечера она освобождалась от работы и чтобы мойка белья не входила в круг ее обязанностей. Через два дня почти все хозяйки сдались, в остальных были признаны особые рода „террор“, сложивший в их сопротивление. Этот „террор“, к которому раньше прибегали и ремесленные рабочие, заключался в вывешивании вещей стекол в домах.

В праздники „Пурим“ здесь была небольшая демонстрация. По случаю свадьбы рабочего, на улице собралась толпа, провожающая повенчавшихся из синагоги. Приходя мимо казенных учреждений, толпа кричала „долгой самодержавие!“ и т. д. Крики эти испугали земского начальника, который бросился стремглав в свой дом и зааркадировался. Полиция в тревоге и требует присылки казаков!! — Нужда в литературе во всем нашем районе невообразима. Каждый брошюра берет прямо с бою. — 30-го апреля здесь по собранию читали реферат о программ социал-демократии, о развитии революционного движения в России, об аграрной программ соци-демократии и о терроре.

Одесса. В апреле здесь забастовали гладильщики — 150 человек. Требовали увеличения почасной платы. И некоторые хозяева сдались. Рабочие стойко и сознательно отстаивали свои требования.

Из Златоуста. Список здешних шпионов: 1. Андрей Оедоров Илжик, 2. Котов (переодетый жандарм), 3. Алексей Евг. Шергин (переодетый жандарм), 4. Степан Луканов, 5. Вас. Рыбов, 6. Инк. Стариков, 7. Дмитрий Рябов, полковник, 8. Назаров, инструмент, мастер, 9. Вас. Середонин, 10. Пав. Прохоров, естопар, маст.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА ВЪ ГОЛЛАНДИИ.

(Окончание).

Мы уже упоминали, что правительство своим мнением неумышленно давало понять рабочему классу, что оно готовит ему жестокий удар. В виду этого социал-демократы депутаты Третьей ввез 1-го марта в палату запрос по поводу общего положения дель. Запрос был составлен в очень умеренных выражениях. Третья призвала правительство отложить обсуждение законопроектов против стачек до того момента, когда станут известны результаты расследования, в котором упоминалось в правительственных же проектах (расследование должно было констатировать условия труда железнодорожников).

Однако министр отказался идти на уступки. Правительство во что бы то ни стало решило опираться на железнодорожных рабочих, а их права еще прежде, чем будут выданы им образцы расследования их жалоб.

Оставалась надежда на то, что, обсуждение предложенных законопроектов будет отложено хотя до после пасхи. В этом случае агитация и давление со стороны организованного пролетариата могли бы, может быть, вынудить у правительства дальнейшие уступки; с другой стороны, значительно увеличилась бы бури возмущения среди господствующих классов, которые, находясь в более спокойном состоянии духа, согласились бы отложить обсуждение дополнительных статей уголовного кодекса до появления в свет результатов расследования. До конца марта никто не думал, чтобы обсуждение новых проектов могло начаться раньше пасхальных каникул, т. е. раньше начала мая.

Что же случилось? В конце марта внесены были правительственные законопроекты в изданных виде. Либералы немедленно отступились от общей оппозиции. Вся их пресса разразилась восторженными гимнами в честь казенного правительства, которое было настолько разумно, что послушалось советов либеральной партии и несколько смягчило „карма“, называемый за стачку на железных дорогах (факто 1-го 4-го). Все либеральное оплошало и резко сказалось в этой впадине перестав фронта. Министры-президенты Гиббер, конечно, не замедлили воспользоваться этим обстоятельством и решили ковать желто, пока горячо. Когда 1-го апреля палата вновь собралась, то ей было заявлено, что публичное обсуждение „катарих законов“ начнется уже в ближайшие дни. Такая поспешность нарушала обычный порядок обсуждения всяких новых проектов и законов. Оппозиция наших товарищей не была никакой результат. Они и части демократов возмущались против предложения правительства, но подавляющее большинство палаты было за него. Казарная тактика правительства теперь стала весьма ясна. Оно решило дать уличной бурже парадного волеуказания и показать, что оно уже не намерено так уж горючить со своими проектами, как это представляли рабочие. И вот, в тот момент, когда агитация несколько ослабла, оно стремительно, как хищное животное, ринулось на свою добычу, уверенное в победе. В четверг, 2-го апреля, представители организаций и фермеров, пришедших к Комитету обороны, снова собрались для обсуждения положений дель. Поражение было почти неизбежно. Обсуждение законов уже началось, и в несколько дней могло окончиться. Перед рабочими стоял выбор: или ограничиться борьбой в парламенте и передать руководство его социал-демократам, или же избрать путь интерпарламентской борьбы, т. е. вступить во всеобщую стачку. Комитет обороны решил прибегнуть к стачке. Притом стачка была товарищеской. Одетства, представители союза железнодорожных рабочих. Они указывали на серьезные последствия в большой жертвы, которые могли за собой повлечь стачка. Правда, они сами два адреса тому назидать значительное возмещение к членам своего Союза с помощью ко всеобщей стачке, но положение дель с тех пор значительно изменилось. Железнодорожные общества приняли свои меры, организовали толпы из швейцарских, создали из „благонравных элементов“ целые кадры, которые облажались никогда не бастовать; с другой же стороны облажались различными личными преимуществами, награды, повышения и т. п. они лишили профессиональный союз пассивного контингента членов, — конечно, из числа более нерешительных, слабых или просто инертных. В то же время христианские школы пошли на встречу этим стремлениям железнодорожных обществ и стали поощлять свои ряды всяким образом.

Поведение христианских союзов во всей разражающейся борьбе является одним из самых печальных эпизодов ее. За неимением исключений эти своеобразные „христиане“ являлись фирменными представителями своих борющихся товарищей и с частой сообразительностью к своим принятым единогласно объявляли себя за „катарих законы“.

С другой стороны, железнодорожные общества могли рассчитывать на поддержку правительства. Вооруженная сила была

готова по первому знаку занять все пассажирские и грузовые вокзалы, и в переходы через рельсы и затруднить таким образом отношения между бастующими и небастующими рабочими (это фактически и случилось в первый день стачки).

Вот эти явления, конечно, не остались без влияния на союз железнодорожных рабочих: число членов его, правда, уменьшилось не очень значительно, но боек дух его сильно упал. Часть членов была загнута абсолютным запрещением оставаться своим жилищам, некоторые были вовсе изгнаны. Другие переведены на низшие должности, в то время как членам христианских иерейных оккупировали всякое покровительство и пронагандизировали их всячески поощряли.

На собрании 2-го апреля в Ондесте, представители социал-демократов, Комитет обороны, осуждали других членов Комитета, которые смотрели больше оптимистически на положение вещей и хотели во что бы то ни стало провести стачку, что уже и удалось. Фактом было сначала объявлено стачку только железнодорожных и портных рабочих.

Решение пока должно было остаться тайным, начало же стачки приурочили к 5 апреля. В ночь с 4-го на 5-ое оказалось, однако, что власти были предупреждены. В первый же день стачки выяснилось, что настроение среди железнодорожных рабочих было уже не то, что 3-го января. Амстердам, на который все, в том числе и Ондесте, особенно рассчитывали, вытеснил доволно много охотников продолжать работу. Сообщение, правда, было затруднено, но оно не прервалось совершенно. Именно это обстоятельство, что из Амстердама продолжали отходить поезда по различным направлениям, сильно обезкуражило рабочих, занятых в других пунктах сообщения, кнз Гаарлем, Роттердам, Утрехт, где стачка была почти всеобщей. На второй день стачка разрослась, а на третий восток положение было в этом отношении довольно хорошее. На юге, где преобладают католическое население, бастовали лишь в отдельных местах. Бда была еще в том, что среди машинистов стачка далеко не была столь общей, как ждали; между тем, очевидно, что именно их участие имело бы решающее значение, раз стачка имела в виду прервать всякое сообщение в стране. Далее железнодорожные общества немедленно послали всякие забастовщикам на дом извещения об увольнении их, что произвело удручающее действие на железных рабочих. Среди рабочих оказалось довольно много изгнанных общему делу. Студенты и инженеры предлагали свои услуги также в качестве рабочих. Правительство дало им распоряжение железнодорожных обществ своих солдат не только для целей охраны, но и для железнодорожной службы, так что, хотя и в ограниченных размерах, но движение поездам шло по прежнему. Сношения между стачечниками различных мест были очень недостаточны, хотя и было организовано сообщение путем велосипедов. Стачечники решили не прибегать к услугам железнодорожных поездов, на которых заняты были швейцарские, а телеграфам они не особенно доверяли. Руководители комитетов были плохо ознакомлены с положением дель в Амстердаме. Стачка портных рабочих повела в Амстердам ко всеобщей стачке зашатались в портовых дель, и стачечники ее было то, что все занятые в порту рабочие (до 4000) были просто выброшены предпринимателями на мостовую.

Стачка солидарности, в которую вступили портные рабочие Роттердама, привела совершенно неожиданные результаты, и этот факт является несомненно одним из главных моментов в истории этой борьбы.

В среду, 8 апреля, было очевидно, что палата в четверг закончить прения по поводу проектов. В дебатах участвовали лишь один социал-демократ; остальные не пожелали, однако, прибегнуть к обструкции, так как стачка была слишком слаба и не могла произвести соответствующего давления на парламент. Чтобы помочь железнодорожным рабочим и скрыть слабость их стачки, Комитет обороны решил объявить в среду днем генеральную стачку во всех отраслях промышленности. В Амстердаме забастовали рабочие по замыслу (научились организованные во всем Голландии) и строительные рабочие. Общей стачки пекарей и типографов не удалось устроить. Из рабочих, занятых в городских предриятиях, только отдельные категории (газовые рабочие и рабочие по очистке городов) бросили работу. В Амстердаме стачка охватила лишь отдельные отрасли производства в крупных городах (строительное дело, обработка металлов, типографское дело). Забастовка в них была либо общей, либо частичной. Нет сомнения, что на следующий день, 10 апреля, стачка получила бы большее распространение. Но в четверг днем закон был уже принят во второй палате, в пятницу он поступил на рассмотрение первой палаты, в субботу он был бы уже республическим в „Государственном Указателе“ и таким образом, вступил бы немедленно в законную силу. Стачка железнодорожных рабочих должна была быть к субботе закончена, иначе всеобщее участие, всеобщее стачечничество, всеобщее участие центральных и местных комитетов, всеобщее участие, кто говорил или писал в движении, грозило долготрельным заключением в тюрьму. В виду этого комитет в ночь с 9 на 10 решил отменить всеобщую стачку, назначенную против нового закона. В пятницу утром это решение было передано гласности и, хотя в некоторых местах рабочие отказались было выноса прекратили забастовку, но в конце концов все движение к пасхе прекратилось.

Центральный комитет голландской социалистической демократии опубликовал 21 апреля воззвание ко всему интернациональному пролетариату с просьбой о поддержке забастовщиков. В этом воззвании сказано следующее: Если бы весь рабочий класс имел избирательное право, если бы он получил политическое воспитание, употребил это право, как оружие в политической борьбе, если бы далее между рабочими классовым и целом и социал-демократической фракцией существовала тесная связь, то очень вероятно, что можно было бы наблюдать этот отчаянный борьбу в парламенте. Ответственность за эту борьбу падает раньше всего на господствующие классы, которые держат все еще большую часть рабочих в низменном политическом безразличии и таким образом потворствуют различным анархическим и бунтарским склонностям в рабочем движении. Далее ответственность за проигранную борьбу на политическом реакционном правительстве и буржуазных партиях, которые пожелали как можно успешнее провести свой каторжный закон и устояли перед рабочим давлением, либо совершили акт отчаяния, либо позволили порабитить себя без протеста. Голландские рабочие вступили в борьбу без достаточной профессиональной организации и политического воспитания, но они борлись героически. Теперь вся буржуазия упирается бешеными усилиями власти и только и думает о чести организованному пролетариату. Дирекция железных дорог временно разогнала 1600 чел. и во всех тех провинциях, где произошло забастовка, насчитываются многочисленные жертвы: рабочие лишаются кушак хлеба за свой гражданский протест против неравенства. Нищета велика, и голландские рабочие один из могут оказать достаточную поддержку своим пострадавшим товарищам. В этом случае мы обречены, как казнь, тираннии, в просьбой откликнуться. Голландия социал-демократии этой борьбе шла рука об руку с профессиональными союзом и она их теперь не оставит на произвол судьбы. Правда, рабочие совершили ошибку: они вступили в борьбу слабо вооруженные: средства, употребленные ими, не соответствовали их фактической силе; но они доказали ее очевидностью, что лучше добровольно пролетариату — боевой дух и гордость, присущие им. Подумайте над тем, что наша борьба интернациональна и что мужественное сопротивление одной части пролетариата удержит, может быть, капиталистический класс от всякой собственной страсти от нападения на права рабочих. Помогите нам, чтобы мы могли поддержать наших жертв и с тем самым мужеством в воле и вран в свое дело приняться за организующую работу. Несомненно, что поражение голландского пролетариата могло

было раньше предвидеть. Слишком слабым и разрозненным, ринулся он в бой; часть рабочих, находясь под влиянием духа ховенства, совершила гнусную пакость по отношению к своим братьям, но движение в целом имело свою внушительную сторону. Долгие годы общественной жизни в Голландии были как в тумане и когда социал-демократы проводили истинный социализм, то противники называли их „дипломатами“, чуждыми пониманию действительности. Даже рабочие сомневались. Благодаря впадине впадин классовой борьбы, все, что было скрыто в течение ряда лет, ярко выступило наружу, и в том числе пожар, который уничтожил часть нидерландских союзов, ясно обрисовались слезы рабочего класса и буржуазии. Мы увидели, что рабочий класс гораздо слабее, чем он сам о себе думает, в эпоху только что изгнанный силой победы; но мы забыли и его мужество в его непреклонную готовность отстаивать свои права. Ничего рабочий класс не видит само себя в настоящем свете и знает, чего ему не хватает. Профессиональное движение должно теперь отказаться от привилегий своей силы и направить все усилия на организационную работу. Мы видели и буржуазию и буржуазное государство в их истинном виде. Мы видели, что правительство прибегло к грубой силе, чтобы прогнать реакционные законы, и было поддержано всеми партиями в этом благородном деле. Мы видели, как „национальное“ правительство демократического государства давало обществу своих солдат не только для охраны железных дорог, но и для защиты стачечников, в эти солдаты оставались на местах разнотравных, выброшенных за стачку рабочих еще целый недель после окончания стачки. Мы видели, как буржуазия арестов старших выставляла мужественных железнодорожных рабочих, как самых худших злодеев и как либеральные и христианские ласки подстрекали железнодорожные общества не давать никому пощады. Они, стараясь сказать, находили закон еще недостаточно суровым, и четыре года тюрьмы слишком мягким наказанием. Они желали виновных и их семей наказать перспективой голодной смерти или ссылкой в Ост-Индия для отбывания там принудительной военной службы. Мы видели капиталь во всей его холодной жестокости, его явное христианство в отвратительной наготы. Государство представило нам могучий орудием забвения рабочего класса, подавления в нем стремления к смертному греху „документов на дивиденды капиталистов“.

Правительство и буржуазия дали нидерландской социал-демократии громадный материал для пропаганды, и нужно думать, что она сумеет его использовать в целях привлечения всего пролетариата Голландии к делу революционной социал-демократии.

ПЕРВОЕ МАЯ ВЪ ФУРМИ.

1-го мая 1891 г., согласно постановлению международного конгресса 1889 г., французский пролетариат вторично праздновал первомайский праздник.

Стоявшее во главе Франции так называемое „Министерство республиканской охраны“ с. Констан мобилизовало все свои полицейские и военные силы против мирных манифестаций. По всей Франции подверглись манифестанты нападению диких орд, в Лоне и Марселе произошли довольно крупные схватки, но событие, отбывшее 1891 г. кровавым пятном на страницах истории третьей республики это — набиение рабочих в Фурми, где дель жертв и псковых дескток раненых пали под ничем не изгнанными выстрелами республиканской армии.)

3 мая того же года, над обшей могилкой десяти погибших товарищей, рабочие Фурми выжили никогда не забыть той кривни, которая навсегда отделила их от буржуазии, и до сих пор она вран этой клятвы.

Реперити, однако, не ограничили одним кровопролитием. Министерство „Республиканской охраны“ решило судом преследовать набиение энергичных агитаторов, и буржуазное правосудие присудило штрафных из них, — в том числе и одного из первых французских социал-демократов, зня Маркса. Лафарга, — к году тюрьмы. Урок, данный таким образом французским рабочим, не прошел для них даром, но принес совершенно другие плоды, чем ожидал, вероятно, г. Констан. В 1892 г. при общих выборах в палату депутатов, рабочие Фурми выбрали своим представителем сидевшего тогда еще в тюрьме Лафарга, а еще через несколько лет они завоевали муниципалитет своего городка, который до тех пор был в руках патронных.

С первых же дней своей деятельности социалистический муниципалитет постановил выдвинуть памятник на общей могиле десяти жертв 1-го мая 1891 г. и, в виду крайней незначительности своего бюджета (в Фурми насчитывалось в 1891 г. около 15,000 жителей, а теперь всего около 13,000 жителей), решил открыть публичный сбор среди французского пролетариата. Понимая, что этот памятник будет вечным укором, шепотом буржуазии, и что он постоянно будет напоминать пролетариату об его революционном долге, — правительство попыталось запретить эту подписку, и муниципалитет был принужден своим собственным маленьким силам.

И вот в начале апреля этого года французская социалистическая партия (объединенные гедисты и бланкетты) обратилась к социалистическим партиям всех стран с предложением прислать делегатов на открытие этого памятника.

Социалисты всех стран откликнулись на эти приглашение. Германские, американские, английские, польские, венские, итальянские социал-демократы, Союз русских социал-демократов прислали адреса, Заграничная Лига Рус. Рев. Социал-демократии, беларуская рабочая партия, Партия социал-революции прислали делегатов.

В субботу, 2-го мая, накануне манифестации, состоялся митинг, на котором присутствовало около полторы тысячи рабочих. За час до начала вальшей местный театр был переполнен, туслая толпа не нашедших уже места заняла площадь. Полиция отсутствует, и порядок в этой толпе образцовый. Стройные мощные звуки „Интернационала“, дружные возгласы „да здравствует социальная революция!“ один нарушают тишину всегда столь спокойного городка и заставляют запоздавших псковых делегатов прибавить шагу.

Появление их на трибуну встречается громоподобным рукоплесканием, но совершенно невозможно описать восторженный прием, сделанный красному знамени Российского Социал-демократического Рабочего Партии, которое пришло и ввело на трибуну делегата Заг. Лиги Русской Революционной Социал-демократии.

Говорили на этом митинге около пятнадцати ораторов. Делегаты Лиги Рев., принес в финнузскому пролетариату привет русского рабочего класса, который борется с самодержавием, чтобы свержнуть его, ринулся в последний бой с буржуазией. Когда русское самодержавие — этот спящий хребет европейской реакции — падет под мощным ударом рабочего класса, Европа увидит стройную армию русского организованного пролетариата, готового идти под красным знаменем Российской Социал-демократии, разбивающей на этой трибуне рядом со знаменем Французского Социалистического Партии, на разбитом штурме буржуазного общества.

По что придает этому митингу в общей манифестации их крупное значение, это не рывки, не слона, произносимые с трибуны, — это та глубокая сознательность, организованность и дисциплинированность, которая проявилась в рабочем митинге. Трибуна и зал кишели в едином общем чувстве. Каждое слово, произносимое с трибуны, было тиражировано выражением мыслей 1 1/2 тысячной толпы, в течение нескольких часов с одинаковой внимательностью и полной сознательностью выступившей митинг ораторов. Корректность толпы проявлялась в особинности —

*) Характерная особенность: офицер, приказавший стрелять (капитан Пайе), получил орден от министерства Вальде-Руссо-Министран!

